

Л.Э. Калынь

О гармонии гласных в восточнославянских диалектах¹

В предлагаемой статье некоторые явления вокализма восточнославянских диалектов рассматриваются с точки зрения правил их включения в фонетическую программу слова. Имеется в виду следующее. До падения редуцированных рамочной единицей, в пределах которой реализовались правила звуковой синтагматики, был слог, а после падения редуцированных пространство синтагматических решений стало ассоциироваться с более длинной последовательностью. Рамочной единицей стало фонетическое слово – звуковая последовательность, ограниченная с обеих сторон потенциальной паузой. В основе фонетической организации слова лежит произносительная программа. Это – план-намерение, который предвещает произнесение слова в сознании говорящих и состоит в пересчете и выборе из серии сегментных и суперсегментных возможностей данного идиома. Фонетическая программа задает импульсы, определяющие развитие звуковой последовательности – для гласных это может быть зависимость от ударения и качества соседнего сегмента. Наложение этих условий на вокальную часть слова придает ей значение целостного образования, компоненты которого находятся в отношении взаимообусловленности. Возможно, первым проявлением синтагматической значимости пространства фонетического слова были те изменения, которым подвергались редуцированные гласные – взаимосвязь гласных разных слогов здесь очевидна.

Программа последовательного выбора гласных в слове лежит в основе тех типов русского безударного вокализма, которые основаны на неразличении безударных гласных неверхнего подъема. Так, предударная часть слова при русском литературном аканье, основанном на двухступенчатой редукции, реализуется по модели (Съ–С α ²) после твердых согласных (*въдавóз*) и (С'ъ–С'í α ²) после мягких (*б'ьр'íгá*). В трехсложном слове гласный ъ/ь сигнализирует возможность произнесения в следующем слове безударных гласных *ы, у, а*, но не *о, ь* после твердых согласных; *í, у*, но не *е, о, а* – после мягких согласных, т.е. *зъбывáт', б'ьл'íзнá, зъсуд'ít', н'ьл'удскóй, зъбастóфка, с'ьравáтый*. Наличие же в слове безударного гласного *а* автоматически указывает на то, что в следующем слове может быть только ударный гласный.

При диссимилятивном аканье в русских и белорусских говорах произношение гласного *а* в предударном слове сигнализирует недопустимость *а* под ударением. И, наоборот, предударный ъ (не *а*) предусматривает обязательность ударного гласного *а* (*въдавóз*, но *въдá*).

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-00011а).

Таким образом, при двухступенчатой редуционной модели вокализма гласные в слове выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда не только выбор предыдущего гласного определяется вокальным компонентом следующего слога, но и предыдущий слог несет информацию о гласном следующего слога. Это означает, что каждый гласный в слове несет информацию об остальных вокальных составляющих слова.

Подобие гласных разных слогов лежит в основе тех типов русского диалектного предударного вокализма после мягких согласных, которые традиционно принято объяснять уподоблением предударного гласного твердому согласному в последовательности VC. Это – ёканье и умеренное яканье. Они описаны в литературе (Аванесов 1949: 80; Русская диалектология 1964: 41, 44; Сидоров 1966: 98 и др.), их территориальная локализация показана в (ДАРЯ 1986: карты 3–6).

При ёканье в предударном слове после мягких согласных произносятся *о* и «не *о*» в соответствии с *о*, *е* (**е*, **ь*) ударного слога. При умеренном яканье в предударном слове произносятся *а* и «не *а*» в соответствии с ударными гласными неверхнего подъема. Считается, что произношение *о*, *а* обусловлено твердостью согласного, следующего после предударного гласного, а перед мягким согласным произношение *о*, *а* запрещено и гласный *е* сохраняется. Но, как известно, с мягкими согласными по своему синтагматическому значению совпадают консонантные сочетания *СС'*. С учетом этого фонетика явлений выглядит следующим образом.

Примеры на ёканье: *п'оку́, п'ек'и́, нап'екц'и́; т'опло́, т'епл'е́; подм'ола́, м'ет'и́, на м'етл'е́; зап'охну́ла, зап'ехн'и́; выгр'обáт', греб'óт, на гр'ебн'áх;* в этом говоре под такое же правило попадает распределение предударного *а* после мягких согласных, т.е. *зат'ану́ла, т'ен'и́, пом'ану́, пом'ен'и́, йагу́шка, йегн'óнок* (полевые записи из говора Пинежского р-на Архангельской обл.).

Примеры на умеренное яканье: *в'ис'ало́, в'ис'ил'ей́, з'арно́, в з'ирн'е́, ч'ало́, ч'ил'е́, п'асок, нь п'иск'е́, с'м'аху́, с'м'ийóцца, с'т'акло́, нь с'т'икл'е́, быйавóй, быйив'ей́* (полевые записи из говора Моршанского р-на Тамбовской обл.).

По мнению Р.И. Аванесова, отсутствие предударных гласных *о*, *а* перед сочетанием типа *СС'* нарушает ёканье и умеренное яканье как фонетическую модель, в которой качество гласного связано с высотой тона следующего согласного, и переводит названные типы предударного вокализма в разряд грамматикализованных и лексикализованных явлений (Аванесов 1974: 166).

Перевод фонетического по происхождению явления в разряд нефонетических предполагает нарушение (отмену) первоначального фонетического правила. В соответствии с этим, отсутствие *о*, *а* перед *СС'* принято объяснять или грамматической аналогией или тем, что первый согласный сочетания был некогда мягким и лишь позже отвердел (Аванесов 1949: 80).

Но, как кажется, из имеющихся взглядов на закономерности ёканья и умеренного яканья наиболее адекватно отражает сущность явления точка зрения

на эту проблему П.С. Кузнецова. Он считает, что выбор переднего/непереднего предударного гласного определяется качеством гласного под ударением, а качеством консонантного элемента, разделяющего гласные, вторично для синтагматики предударных гласных (Кузнецов 1948: 84). Это означает, что ударный и предударный гласный находятся в отношении сингармонизма. Для того чтобы в предударном слоге произносился гласный 'o, 'a, следующий после него сегмент должен содержать гласный низкого тона, т.е. быть сочетанием твердого согласного с гласным или быть одним непередним гласным. Позицию перед гласным можно проиллюстрировать примерами из говора Пинежского р-на – *n'oddái < n'ooddái < n'eoddái, n'ostávl'ý < oo <eo*. Если же в сегменте представлен элемент высокого тона (мягкий согласный + передний гласный, в том числе *o, a, y*), гласные 'o, 'a перед ним запрещены. Поскольку речь идет о подобии гласных разных слогов, то этому не противоречит наличие сегмента *CC'* между гласными.

Сказанное означает, что ёканье и умеренное яканье репрезентируют вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония. Модель может быть представлена как [t'o (C, CC) á, ó, ý, ú ~ t'e (C', CC') í, é, á, ó, ú] и [t'a (C, CC) á, ó, ý, ú ~ t'i (C', CC') í, é, á, ó, ú].

Мотивированность выбора после мягких согласных предударных гласных *o* и «не *o*» гармонией гласных просматривается и в некоторых из объяснений, настаивающих на том, что этот выбор связан только с качеством консонантного сегмента. Так, В.Н. Сидоров считает, что отсутствие 'o перед *CC'* объясняется тем, что изменение *e > o* происходило «перед лабиализованными или лабиовеляризованными согласными, каковыми твердые согласные были только в положении перед гласными заднего ряда и твердыми же согласными» (Сидоров 1966: 139). В этой интерпретации отчетливо просматривается влияние гласного ударного слога на выбор предударного.

Характерно, что и А.А. Шахматов связывал изменение *e > o* после исконно палатальных согласных в древнерусском языке с позицией не перед слогом с гласным переднего ряда (*žona, dušo Vos.*, но *žene*), что также подразумевает гармонию гласных в соседних слогах (Шахматов 1915: 133).

Для русских говоров можно привести и другие примеры уподобления гласных в слове. Так, в (Атлас 1957: 401–405) дается список слов с делабиализацией гласного *y* во втором предударном слоге. Эта делабиализация ни в какой мере не ориентирована на качество соседних согласных, но слог, следующий после *y*, обычно содержит нелабиализованный гласный. Ср. *пызыр'ók, мъжыч'ók, пьст'акóв'ина, мыхамóрн'ик, крьуавáйа, рыкавá, зьльбин'ейет, льгавáйа, хьдаш'иш'áv'ин'кый* и под.

Р.И. Аванесов считает, что это изменение гласного *y* вызвано «ослаблением и вялостью» его артикуляции во втором предударном слоге» (Аванесов 1949: 109), хотя не очевидно, что *ы, ъ, ь*, заменяющие собою *y*, отличаются от

него меньшей энергичностью артикуляции. Более вероятно, по крайней мере, для акающих говоров, что в основе изменения гласного у лежит стремление унифицировать безударную часть слова по признаку отсутствия лабиализованности гласных, т.е. гласный у меняется в результате уподобления гласным следующих слогов.

Уподобление гласных соседних слогов независимо от их ударности/безударности свойственно юго-западным украинским говорам. Это выражается в тенденции сблизить вокальные компоненты слова по уровню подъема и проявляется в изменении (*u > i*), (*e > u*, *e*) перед слогом с *i* и (*o > o*) перед слогом с *u*, *o*, *i*. Реже в условия выбора гласного в этих говорах может быть включена антиципация следующего согласного – палатализованного/палатального или твердого губного и заднеязычного согласного. Этим устанавливается подобие по тону между гласным и согласным. Знакам *e*, *o* в украинской транскрипции соответствуют *ê*, *ô* (Жилко 1963; Бевзенко 1980: 50, 54). Эта особенность украинских диалектов конкретно выглядит следующим образом:

һніла > һніл'і, *һраніца > ô һраніц'і*, *чапійла > чапійі*, *береза > на берез'і*, *церква > до церкви'і*, *зёмный > зимл'і*, *менé > мин'і*, *тот > тотôму*, *доишч > дожджôу*, *головá > головôу*, *козá > козôу*, а также *дали > дал'ізме*, *пес > пѣс'с'а*, *мертвий > смірт'і* (Турковский р-н Львовской обл.).

воротило > на воротіл'і, *пійніц'а > до пійніц'і*, *криж > на кріжі*, *піла > на піл'і*, *у нѣһо > на нѣйі*, *до пѣтра > по пѣтріх*, *намѣлиме > помѣл'ут*, *не мноһо > нед'іло*, *н'ід постелеу > у постил'і*, *селó > у сил'і*, *һолод > һолон'н'і*, *мóже > можу*, *оре > ор'ут*, *һоворит > һаһовор'у*, а также *писати > пис'мó*, *мерендзати > мерѣн'ж'е*, *мер'ва // мір'ва*, *йáрец' // йáриц'* (Великобереженский р-н Закарпатской обл.).

Возможна и такая ситуация, когда межслогового уподоблению подвергается только безударный гласный. Так, в говоре Калушского р-на Ивано-Франковской обл. происходит изменение (*ú*, *é > u'*, *i*) перед слогом с *i*, *i*, *ú*, *у*, реже перед палатализованным согласным и (*ô > o*) перед слогом с *i*, *ú* – *шійти > в'іиш'ік'і*, *зёмл'і > зі'мл'і*, *стѣп > у сті'п'і*, *вѣсело > вис'іл'ѣ*, *хлоп > хлоп'іу*, *һори > у һор'і*, *новій > новôу*, *тота жінка > тутôу жінку*, *смолá > у смолôу* и под.

Нельзя связывать повышение подъема гласных только с палатализованностью/палатальностью следующего согласного, не принимая во внимание гласный следующего слога. О. Брок, ограничивая рассмотрение повышения подъема гласных *e*, *i*, *o*, *u* рамками сегмента VC' в закарпатском (угорусском) говоре, констатирует известную алогичность этого явления. Он пишет – для переднего гласного указанное изменение означает повышение собственного тона («собственного звука») перед палатализованным согласным, «но для *o*, *u* – переход обозначает понижение собственного звука, т.е. как будто бы удаление от качества, свойственного именно «мягким» звукам» (Брок 1910: 157). Между тем, если учитывать, что после палатализованного согласного следует

гласный верхнего подъема, то и повышение гласного в предшествующем слоге выглядит закономерно. Так, Ф.Т. Жилко, фиксируя изменение $o > \delta$ перед палатализованными согласными в бойковских говорах, отмечает, что особенно заметное сужение гласного o происходит перед i следующего слога – *добр'і, вѳрдн'і, на вѳс'і, на кѳн'і, ѳ молѳц'і, ѳл'ін'* (Жилко 1955: 141).

В белорусских говорах выбор предударного гласного может определяться не только моделью диссимилятивного и недиссимилятивного аканья. В (Кривіцкі, Падлужны 1984: 159) показано, что в белорусском восточно-голицевском диалекте безударные гласные, редуцированные по модели аканья, после твердых согласных склонны к изменению в y , если в последующем или предыдущем слоге имеется гласный y . Приводятся примеры – *хумуты, гурбуза́, бурсук'і, кулука́, гусука́, пувук'і, нурушун'іст*. В этом случае гармония гласных обеспечивается не только антиципацией следующего гласного при выборе предыдущего, но и воздействием предыдущего гласного на последующий. В этом случае вокальные компоненты слова выступают в виде целостного образования.

Гармония гласных (слоговая гармония) придает устойчивость фонетике слова, поскольку усложняет структуру связи между компонентами фонетического слова. Естественно предполагать, что связь между рядом стоящими сегментами более проста, чем суперсегментная. Этим, в частности, обеспечивается устойчивость диалектных черт, эксплицированных гармонией гласных. Такая особенность, как диссимилятивное аканье, практически неустраима в речи даже тех лиц, которые в остальном демонстрируют орфоэпическую норму.

Для устранения ёканья и умеренного яканья в сознании говорящего должно быть нарушено подобие между предударным и ударным слогом, а не подобие между предударным гласным и последующим согласным, т.е. должен быть изменен динамический стереотип слова, согласно которому в линейной звуковой последовательности предударные $'o$, $'a$, произносясь раньше ударного слога, уже несут информацию о нем. Также и коррекция украинской слоговой гармонии означает не простую замену отдельных сегментов звуковой последовательности, а изменение фонетической программы слова. Поскольку фонетическая программа – это план-намерение, сформулированный до произнесения слова, то и предполагаемая коррекция связи между гласными разных слогов должна предусматриваться этим планом. Без специального внимания к постановке произношения это связано с определенными трудностями.

Весьма примечательно, что гармония гласных может существовать как бы в латентном виде и проявляться лишь при нарушении традиционной вокальной модели слова. В литературе описана ситуация, когда в русских говорах при разрушении оканья под влиянием аканья актуализируется связь между качеством предударного и ударного гласного (Пауфошима 1978; Кириллова, Новикова 1988).

Явление такого же рода обнаружено при обследовании одного алтайского старообрядческого говора (Калнынь, Масленникова 1995: 68). Анализ речи одного информанта показал, что при нарушении модели оканья под влиянием аканья предпочтению, которое отдается предударным *о* и «не *о*» после твердых согласных, связано с гласным следующего слога. Сохранение лабиализованности фиксируется перед любым гласным под ударением, но особенно этому благоприятствует антиципация лабиализованного гласного под ударением – *ворóтца, подсо́лнх, робóтат'* и др., но и *братавйóф, кавó; во лбу́, сто́йу, оддохну́, мойу́, в одн'ём году́* и др. Произношение же *а* и гласного с ослабленной лабиализованностью преобладает перед слогом с *á* – *за двум гарáм, без ащá, пакаст'áт, аддáж дак, на скьáлах, погáной, ф тофрфá, вйáна, кьгáдá*. Можно даже найти примеры позиционной мены предударных *о* и *а* в зависимости от гласного под ударением – *сто́йу* и *стáйáт, мозгóф* и *мазгá*.

Оканье как модель вокализма ни в какой мере не содержит ориентацию на гласный в слоге под ударением. Такая ориентация в виде гармонии гласных появляется при нарушении оканья и задерживает в определенных случаях предударный гласный *о*. Благодаря этому какое-то время элементы старой вокальной модели слова и синтагматические новации, направленные на разрушение этой модели, сосуществуют.

Анализ приведенных фактов фонетики современных восточнославянских диалектов позволяет сделать следующие выводы. Адекватное представление о правилах организации линейной фонетической последовательности в конкретном идиоме может быть достигнуто при условии, что эти правила рассматриваются в пределах программы фонетического слова. Синтагматические запреты и разрешения в слове связаны не только с сочетаниями рядом стоящих сегментов. Не редки и такие проявления синтагматики, согласно которым взаимодействуют компоненты слова, не находящиеся в непосредственном контакте. Проявлением этого является гармония гласных, присущая устройству вокализма некоторых восточнославянских диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1949 – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
 Аванесов 1974 – *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
 Атлас 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957.
 Бевзенко 1980 – *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
 Брок 1910 – *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
 ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР. Вып. 1. Вступительные статьи. М., 1986.
 Жилко 1955 – *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
 Жилко 1963 – *Жилко Ф.Т.* Фонологічні особливості української мови. Київ, 1963.
 Калнынь, Масленникова 1995 – *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариатив-

- ности в славянских диалектах. М., 1995.
- Кириллова, Новикова 1988 – *Кириллова Н.В., Новикова Л.Н.* Активные процессы в современных русских народных говорах. Калинин, 1988.
- Крывіцкі, Падлужны 1984 – *Крывіцкі А.А., Падлужны А.І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Кузнецов 1948 – *Кузнецов П.С.* О гласных первого предударного слога в некоторых владимирских говорах // Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. 1948. Вып. 4.
- Пауфошима 1978 – *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.
- Русская диалектология 1964 – *Русская диалектология* / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1964.
- Сидоров 1966 – *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Шахматов 1915 – *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.